

КІЕВСКІЯ

ЄПАРХІАЛЬНА ВѢДОМОСТІ.

1881 года

№ 38

23-го сентября.

Выходятъ еженедѣльно; цѣна годовому изданію 4 руб. съ пересылкою; съ Воскреснымъ Чтеніемъ (выходитъ еженедѣльно) 7 руб.

За напечатаніе объявленій взимается плата за строку или ея мѣсто за 1 разъ по 20 коп., за каждый слѣдующій разъ по 10 коп.

ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ.

Въ чемъ обвиняютъ духовенство и справедливы ли эти обвиненія?

Въ послѣднее время свѣтская печать начала интересоваться дѣлами церкви и современнымъ состояніемъ православнаго духовенства и предлагать тамъ и здѣсь необходимыя по ея мнѣнію поправки, измѣненія и улучшенія. Повидимому, остается только радоваться, видя, что церковь и ея служители, до сихъ поръ какъ бы не существовавшіе для свѣтской печати, заслужили наконецъ вниманіе этой послѣдней. Но, къ сожалѣнію, должно сказать, что послѣ прочтенія свѣтскихъ статей о духовенствѣ въ душѣ человѣка, близко заинтересованнаго этимъ сословіемъ и близко его знающаго, проявляется болѣзненное чувство недовольства и грусти. Особенно въ этихъ статьяхъ неприятно поражаетъ намѣренное группированіе только темныхъ сторонъ въ жизни духовенства, подчеркиваніе только тѣхъ фактовъ, въ которыхъ представители церкви выставляются со смѣшной, непривлекательной стороны. „Девять добрыхъ дѣлъ пастыря, говорятъ „Моск. Церк. Вѣд.“, обличители его видя не видятъ, десятое—ошибку, слабость, непредусмотрительность, необдуманность они старательно отмѣчаютъ въ своей памятной книжкѣ; преувеличиваютъ, искажаютъ, расширяютъ въ общую характеристику и трубятъ о ней во всѣ

концы. Девяносто девять пастырей они пропускаютъ мимо глазъ, на сотомъ-немоощномъ, преткнувшемся останавливаютъ свой пристальный взоръ и вопіють: „вотъ цѣлая сотня пастырей недостойныхъ своего званія“. „Какую ни встрѣтишь свѣтскую газету, говорить прот. Поповъ въ „Церк. Вѣст.“, непременно дочитаешься въ ней до смѣшнаго разсказа объ архіереѣ, священникѣ, діаконѣ“. На основаніи подобнаго рода съ анекдотическимъ характеромъ разсказовъ и другихъ провинціальныхъ корреспонденцій, въ которыхъ небольшая доля правды всегда пересыпана изобильнымъ вымысломъ и ложью *), составляются журнальныя статьи, въ которыхъ отдѣльные непріятные случаи изъ жизни и дѣятельности духовенства обобщаются и выдаются какъ характеризующіе цѣлое сословіе: по этимъ отзывамъ духовенство представляетъ изъ себя ни болѣе, ни менѣе какъ обособившійся отъ общества классъ церковныхъ требоисправителей и чиновниковъ духовнаго вѣдомства, преслѣдующихъ только свои узкія, именно корыстныя цѣли,—это будто бы сортъ людей общественно выродившійся, лѣтвий, апатичный къ общему благу и не только ничего обществу не дающій, но еще будто бы вносящій въ него разлагающее вліяніе: „Если вручить нашу зарождающуюся школу теперешнему духовенству, говорится въ „Русской Рѣчи“, то въ

*) Изъ цѣлага ряда нелѣпныхъ извѣстій напомнимъ читателю корреспонденціи о „попѣ и діаконѣ“, перегразшихъ горло солдату,—случай, расчитанный, очевидно, на эффектъ, но по справкамъ оказавшійся вполнѣ ложнымъ.

ней очень скоро не осталось бы даже отдаленного намека на религиозно-нравственные начала. Мы, конечно, сами бы стояли за вручение духовенству народной школы, если бы наше духовенство переродилось в своих глубоко укоризненных свойствах, если бы вместо жреца православного капища униженно звенящего кошелькомъ и жадно обирающего пироги, мы вдруг увидѣли бы просвѣщеннаго наставника народа въ благочестивой жизни и благочестивыхъ помыслахъ“ (январ. кн. 395 стр.). „Священники, читаемъ мы въ другомъ мѣстѣ, являются не пастырями душъ, не учителями народа, а мелкими чиновниками церковнаго вѣдомства, въ услугахъ которыхъ не особенно нуждается властное дворянство и бюрократія, но которые, подобно становымъ приставамъ и волостнымъ старпинамъ, могутъ держать въ нѣкоторой зависимости мелкій деревенскій людъ и извѣстнымъ образомъ эксплуатировать его въ свою пользу“. Не менѣе рѣзкіе, но не болѣе безпристрастные и вѣрные отзывы о духовенствѣ можно читать въ томъ же журналѣ за июнь прошедшаго года, въ журналѣ „Слово“ (ст. „Пастыри и овцы“) и въ др. Какъ въ этихъ статьяхъ, такъ и въ отдѣльныхъ замѣткахъ и корреспонденціяхъ бросается въ глаза, какъ мы сказали, намѣренное выставленіе тѣневой стороны, которая, мы не отрицаемъ, присуща дѣятельности духовенства, какъ она присуща всему человѣчеству и всему земному. Но какъ вездѣ и во всемъ, такъ въ особенности въ жизни и дѣятельности духовенства на ряду съ нѣкоторыми недостатками существуетъ рядъ положительныхъ сторонъ, добрыхъ свойствъ и чертъ, благотѣльно отражающихся въ народной жизни. Но всѣ эти свѣтлыя черты не только отодвигаются на задній планъ, но и совсѣмъ игнорируются перечисленными выше статьями свѣтской печати. Неужели въ самомъ дѣлѣ въ дѣятельности нашего духовенства только тьма, грязь, жажда къ наживѣ и апатія къ народной бѣдѣ и народному горю? Неужели такъ и нѣтъ въ этой сферѣ ничего свѣтлаго, живительнаго облагораживающаго, нѣтъ ничего что было бы достойно не осужденія и глумленія, а похвалы и благодарности? Такъ ли? Правда, дѣятельность многихъ мірскихъ дѣятелей можно взвѣсить, измѣрить, она видна и осязаема; тотъ выльбчилъ столько-то больныхъ этотъ поймалъ столько-то злоумышленниковъ, одинъ написалъ стопу бумаги, другой „выжалъ“ тысячу недоимки и т. п. Но кто въ состояніи вычислить, сколькихъ тотъ или другой пастырь спасъ отъ

самоубійства, сколькихъ остановилъ на пути къ убійству другихъ, сколькихъ предостерегъ отъ воровства и другихъ пороковъ, сколькимъ доставилъ утѣшеніе въ страданіяхъ, поселилъ надежду въ отчаяніи,—все это записано въ сердечныхъ глубинахъ народа и не поддается наблюденію, но тѣмъ не менѣе это такой же реальный фактъ, какъ дѣятельность врачей, становыхъ и т. п. Помимо этого духовный пастырь, по самой сущности своего служенія, поставленъ въ такія условія, при которыхъ его дѣятельность заслуживаетъ уваженія, а вовсе не порицанія. Какими бы черствыми и апатичными къ чужому горю и бѣдѣ ни рисовала свѣтская печать служителей церкви, все-таки они имѣютъ сердце, а не камень вмѣсто него; а чье сердце не содрогнется, не занеетъ и не откликнется болью и скорбью при видѣ бѣдствій народа, его слезъ, проливаемыхъ надъ умершими, его безысходнаго горя во время голода, эпидемій? А духовный пастырь есть ближайшій и постоянный свидѣтель этихъ стоновъ народныхъ, ближайшій его сострадаецъ и его утѣшитель. Скажутъ, что священникъ присмотрѣлся къ народному горю, видѣ народныхъ страданій не тяготитъ его души, не омрачаетъ его душевнаго настроенія. „Не вѣрете, православные, скажемъ словами поэта, привычекъ есть предѣлъ: нѣтъ сердца, выносящаго безъ нѣкоего трепета предсмертное хрипѣніе, надгробное рыданіе, сиротскую печаль“.

Повторяемъ, что въ жизни и дѣятельности православнаго духовенства есть много положительныхъ добрыхъ сторонъ, даже болѣе: эта дѣятельность въ общемъ представляетъ изъ себя свѣтлую картину, а не картину изъ однихъ мрачныхъ пятенъ и тѣней, какую рисуетъ свѣтская, предзвѣтная печать. Правда, и въ жизни духовенства, какъ мы уже замѣчали, есть явленія ненормальныя; встрѣчаются личности и дѣятели, заслуживающіе порицанія, но эти явленія—случайныя, такіе дѣятели составляютъ исключеніе, а дѣлать заключенія отъ частнаго къ общему, недостатки отдѣльныхъ единицъ переносить на цѣлое сословіе нелогично и несправедливо. Стоитъ только внимательно разсмотрѣть обвиненія, направленные противъ духовенства, чтобы видѣть всю ихъ несостоятельность. Въ чемъ же свѣтская печать обвиняетъ духовенство и можно-ли за тѣ или другіе нравственные недостатки, замѣчаемые въ жизни отдѣльныхъ церковныхъ дѣятелей, возводить на степень общаго въ духовенствѣ явленія? Главные пункты обвине-

нія слѣдующіе: духовенство бездѣтельно, жадно и корыстолюбиво и не вліяетъ въ добрую сторону на народъ. Духовенство бездѣтельно! Не обезпеченное вѣрными средствами къ жизни и вынужденное, въ общей своей массѣ, самымъ чернымъ и тяжелымъ трудомъ снискивать себѣ кусокъ хлѣба, духовенство тѣмъ не менѣе временно и безвременное бдительно стоитъ на стражѣ своего служенія; въ то время, какъ другіе дѣятели предаются сладкому сну, пастыри церкви „утреннюютъ утреннюю глубину и пѣснь приносятъ Владыцѣ“; въ то время, какъ всѣ другія сословія дышатъ приятнымъ воздухомъ бульваровъ или наслаждаются театромъ или концертомъ, пастыри совершаютъ всенощное бдѣніе или въ тиши своей убогой комнаты обдумываютъ слово назиданія, во всякое время дня и ночи приходятъ къ одру умирающаго, ведутъ съ нимъ исповѣдальную бесѣду и напутствуютъ его св. Тайнами; еще задолго до всякаго вопроса объ общественномъ образованіи, уже тысячи крестьянскихъ дѣтей выходили изъ домашнихъ школъ духовенства обученными чтенію и письму, начаткамъ христіанской вѣры и основнымъ правиламъ нравственности—и все это называютъ бездѣтельностью! Въ заключеніе по обвиненію нашего духовенства въ бездѣтельность приведемъ художественно-вѣрные слова поэта: „дороги наши трудныя, приходъ у насъ большой; болящій, умирающій, рождающійся въ міръ не избираютъ времени: въ жнитво, и въ сѣнокосъ, въ глухую ночь осеннюю, зимой, въ морозы лютые и въ половодье весеннее иди—куда зовутъ. Идешь безропотно“. Что касается жадности и корыстолюбія духовенства, то оно по справедливости состоитъ въ слѣдующемъ: въ то время какъ волостной писарь, сельскій фельдшеръ, всякій служитель въ опредѣленное время получаютъ опредѣленную плату за свой трудъ и получаютъ ее не какъ милостыню, но какъ должное, по праву, и потому не гнуть рабски своей спины, не унижаютъ своего я въ самомъ его основаніи, пастырь церкви съ подавленнымъ самочувствіемъ вынуждается пригибать себя и унижать свое высокое дѣло грубо нищенскимъ способомъ полученія милостыни за свой трудъ, протягиваніемъ руки послѣ каждаго служебнаго дѣла. Здѣсь именно и кроется тотъ мрачный источникъ, изъ котораго страшнымъ призракомъ возстаетъ предъ нами мнимая жадность и корыстолюбіе пастырей. Чтобы священникъ ни сдѣлалъ, какую бы требу ни совершилъ, за всѣмъ онъ протягиваетъ руку, за все получаетъ

плату, „дереть съ живаго и мертваго“, ну, какъ же онъ не жаденъ? Такова, къ сожалѣнію, внѣшняя сторона дѣла, сторона неприглядная, правда, но въ которой духовенство нисколько не повинно; напротивъ, оно само тяготится этимъ протягиваніемъ руки, оно само ждетъ не дождется, когда избавить его отъ этой „жадности и корыстолюбія“. Разсматривая же дѣло въ его существѣ, нужно сказать по поводу обвиненія духовенства въ корыстолюбіи, что еще ни одно сословіе, ни одинъ классъ общества никогда не терпѣлъ отъ жадности духовенства; никто въ такой мѣрѣ не трудится въ пользу другихъ лицъ, сословій и разныхъ учреждений безвозмездно, безкорыстно, какъ пастыри, нигдѣ въ наше время не существуетъ такая ничтожная плата за трудъ духовенства—и въ этомъ то духовенствѣ усматриваютъ страсть къ наживѣ, корыстолюбіе! У человѣка только кости обтннуты кожей, а ему говорятъ: ты лопнешь отъ жиру. Смѣло можно сказать, что если бы всѣ классы общества, отъ низшихъ до высшихъ, страдали своекорыстіемъ пастырей, но не болѣе, то хорошо бы жилось тогда на свѣтѣ.

Не справедливо, наконецъ, обвиненіе духовенства въ недостаточности добраго вліянія на народъ. Нами выше уже замѣчено, что дѣятельность въ такой сферѣ, какъ сфера народной нравственности, трудно поддается измѣренію, поэтому и результаты ея вліянія не бросаются рѣзко въ глаза; но это не даетъ права отрицать какъ самую дѣятельность, такъ и ея благотворное вліяніе. Не будь этого вліянія пастырей на народныя нравы и народное чувство, быть можетъ народная нравственность, подъ вліяніемъ разлагающаго вліянія города, фабрикъ и „ушкунниковъ“, людей въ народѣ ходящихъ, явилась бы передъ нами неизмѣримо ниже того уровня, на какомъ находится она въ настоящее время. Если народъ крѣпокъ еще вѣрою, силенъ любовью къ Царю и преданъ отечеству, если деревня привлекаетъ еще насъ простотою жизни, искренностію отношеній, если народъ живетъ еще „по Божьему“, старается дѣлать дѣло „по душѣ“, „по совѣсти“, ищетъ въ жизни „правды“ и вѣруетъ крѣпко въ бытіе этой правды, то сохраненіемъ всѣхъ этихъ и другихъ добрыхъ качествъ народной жизни общество несомнѣнно обязано вліянію церкви и ея служителей. Безспорно, что въ народѣ нашемъ есть много грубыхъ суевѣрій, развѣдающихъ пороковъ; безспорно также, что вліяніе пастырей церкви на народъ могло бы быть болѣе

широкое и болѣе плодотворное, но въ этомъ случаѣ духовенство неповинно; оно, елико возможно при тѣхъ условіяхъ, какими обставлена его жизнь, дѣлаетъ свое доброе дѣло. „Печально, справедливо говорить Ц. О. В., что на наше духовенство валиются всевозможные упреки за общественныя нестроения. Духовенство виновато во всемъ, духовенство отвѣчаетъ за все, а между тѣмъ это самое духовенство всеми пренебрегается и въ своихъ правахъ и въ своихъ интересахъ“ (1881 г. № 54). Не можемъ не привести по поводу упрековъ и обвиненій свѣтскихъ людей по отношенію къ духовенству слѣдующихъ справедливыхъ словъ духовнаго лица: „мы худы, замѣните насъ хорошими; мы жадны, замѣните безкорыстными; мы лѣнны, бездѣятельны, апатичны, замѣните насъ энергичными, дѣятельными, усердными. Мы охотно уступимъ свои мѣста и будемъ съ уваженіемъ смотрѣть на тѣхъ, которые понесутъ наше дѣло лучше насъ. Осуждать рыцаря за безсиліе, не попытавшись поднять его меча, это болѣе чѣмъ легкомысліе. Мы, нынѣ служащее духовенство, не рождаемся священниками, мы дѣлаемся ими, всякому это возможно; но практика говоритъ, что мало охотниковъ изъ русскаго общества, которые приняли бы на себя трудъ разумнаго, дѣятельнаго честнаго и, главное, безкорыстнаго служенія народу въ званіи духовнаго лица. Всѣ ищутъ свѣтлой, богатой жизни; всѣ гоняются за теплыми, безпечальными мѣстами. Ахъ, какъ эффектно изъ богатой, сытой обстановки уворять темныхъ, безвѣстныхъ, скорбныхъ тружениковъ среди православнаго люда!“ (Ц. О. В. 1881 г. № 22—23).

Въ заключеніе мы не можемъ не остановиться еще на одномъ упрекѣ, который дѣлаетъ духовенству журналъ „Слово“ (ст. „Пастыри и овцы“) и который состоитъ въ томъ, что наше духовенство очень мало обращаетъ вниманія на бытъ народа, на изученіе его внутренней, домашне-обыденной жизни. Нужно сказать правду, что упрекъ этотъ заслуженный, что духовенство дѣйствительно не особенно было усердно въ изученіи народной жизни; а это изученіе такъ важно для цѣлей самаго пастырскаго служенія и такъ много внесло бы въ нашу науку о народѣ. Духовенство, какъ сословіе ближе другихъ стоящее къ народу, должно обратить серьезное вниманіе на это важное дѣло, тѣмъ болѣе оно должно этимъ заняться, что для него болѣе чѣмъ для всякаго другаго, представляется поводовъ и способовъ заглянуть въ душу народа, узнать его міровоззрѣнія, его предразсудки и суевѣрія и т. п. (Под. *еп. вѣд.*)

Еще два слова объ отношеніи свѣтской литературы къ духовенству.

Трудное время переживаетъ нынѣ наше духовенство; трудное не по неудовлетворительности только своего внутренняго нравственнаго и матеріальнаго быта, но главнымъ образомъ по отчужденію, по неблагоприятнымъ отношеніямъ къ нему общества. Вывѣскою этихъ отношеній со стороны интеллигентнаго общества является свѣтская журналистика и литература. Что мы видимъ здѣсь? Въ публицистическихъ ли статьяхъ о духовенствѣ, въ извѣстіяхъ ли и сообщеніяхъ изъ жизни духовенства свѣтская журналистика переполнена сужденіями и сообщеніями отрицательнаго свойства; частные факты, часто извращенные и ложные, тенденціозно выдаются за обычные, постоянныя явленія, и въ этомъ обобщеніи даютъ поводъ къ огульному порицанію, которое нерѣдко съ какимъ-то злорадствомъ и ожесточеніемъ бросается въ лицо всему духовенству. Этому исключительно-отрицательному отношенію къ духовенству, огульному осужденію его слѣдуетъ и такъ называемая изящная литература, служащая, какъ говорятъ, отраженіемъ жизни, пульсомъ общественнаго мнѣнія. Литература эта давно уже отыгала отъ изображеній свѣтлыхъ положительныхъ типовъ блага духовенства, въ родѣ о. Туберозова и дьякона Ахиллы, такъ мастерски и художественно и вмѣстѣ въ такъимъ сочувствіемъ очерченныхъ г. Лѣсковымъ въ его „Соборяхъ“. Нынѣ она рисуетъ намъ въ духовенствѣ типы то какихъ-то кулаковъ-міроѣдовъ, выжимающихъ у крестьянина послѣдніе соки, то отчаянныхъ пьяницъ, то по меньшей мѣрѣ апатичныхъ требоисправителей, чуждыхъ всякихъ заботъ высокаго пастырскаго служенія. Какой, напримѣръ, длинный рядъ пасквилей на духовенство представляютъ собою, тенденціозные рассказы изъ духовнаго быта, помѣщаемые въ „Вѣстникъ Европы“ и въ особенности послѣдній изъ нихъ „Отецъ Иванъ и отецъ Стефанъ“, („Вѣст. Европы“ 1881 г. іюнь и іюль), выдающій давно забытые пошлые анекдоты изъ быта духовенства за характеристическія явленія нашего времени! Но не одни только органы извѣстнаго нашего направленія, а и такіе серьезные журналы, какъ „Русскій Вѣстникъ“, даютъ нынѣ только совершенно отрицательные типы блага молодого „современнаго духовенства, изображая въ немъ полное отсутствіе «духовности», простирающееся до атеизма (?), и внутреннюю безсодержательность и тупость, соединенную съ жалкимъ

чванствомъ, хотя и прикрытую вѣднѣю порядочности („Русскій Вѣстникъ“ 1881 г. августъ, см. „Переломъ“ характеристику о. Парена). Изящная литература не уклоняется отъ изображенія высокихъ религиозныхъ типовъ; но такихъ типовъ ищетъ уже не въ блѣдомъ духовенствѣ, а среди или монашествующаго духовенства или религиозныхъ людей изъ мірянъ. Таковы личности отца Зосимы и Алеши въ послѣднемъ романѣ Достоевскаго „Братья Карамазовы“. Черта также замѣчательная, какъ неоспоримый признакъ несочувствія къ блѣдному духовенству.

Какъ относиться къ этому господствующему въ литературѣ порицанію и осужденію духовенства? Грустное, болѣзненное чувство возбуждаетъ оно въ душѣ челоуѣка вѣры и церкви. Игнорировать этого факта нельзя; нельзя и относиться къ нему съ пренебреженіемъ какъ безусловно-фальшивому, не имѣющему никакихъ основаній. Не будемъ отрицать, что въ общемъ строѣ жизни духовенства есть стороны, требующія измѣненія и условливающія въ извѣстной степени несочувствіе къ духовенству общества; не будемъ отрицать и неприглядныхъ явленій въ жизни частныхъ лицъ изъ духовенства, среди котораго, какъ и во всякой другой средѣ, встрѣчаются личности и съ недостатками. Не будемъ однакоже и смущаться этимъ безусловнымъ и огульнымъ осужденіемъ духовенства; смущенія оно не заслуживаетъ, такъ какъ оно не справедливо, такъ какъ недостатки и несовершенство въ духовенствѣ далеко не оправдываютъ того пренебреженія и тѣхъ порицаній, какими нынѣ подвергается наше духовенство едва ли не болѣе, чѣмъ духовенство всѣхъ другихъ вѣроисповѣданій. Можно констатировать какъ несомнѣнный тотъ фактъ, что темный фонъ, въ какомъ представляется наше духовенство свѣтской интеллигенціи и свѣтской печати, зависитъ весьма много, если не исключительно, не отъ предмета наблюдаемаго, а отъ самаго субъекта наблюдающаго, отъ органа зрѣнія, не обладающаго нормальнымъ здоровьемъ. Въ наше интеллигентное общество глубоко въѣлся секуляризмъ, т. е. внутреннее отчужденіе отъ религіи и всего духовнаго, секуляризмъ, который, являясь слѣдствіемъ петровскихъ реформъ, проникаетъ и свѣтскую школу, и свѣтскую семью и весь складъ жизни и воззрѣній людей свѣтскихъ. Для огромнаго большинства этой свѣтской интеллигенціи область вѣры и церкви есть нѣчто весьма далекое и чуждое, стоящее внѣ ея жизненныхъ ин-

тересовъ. Пробавляясь лишь весьма скудною дозою и религиознаго знанія и религиознаго чувства, она безъ сомнѣнія и къ церкви и духовенству не можетъ относиться иначе какъ, съ пренебреженіемъ, и совершенно неспособна при сужденіяхъ о духовенствѣ видѣть далѣе вѣднѣихъ отрицательныхъ фактовъ и смягчать свои приговоры чувствомъ уваженія къ служителямъ церкви.

Само собою разумѣется, что этотъ секуляризмъ заявляетъ себя еще сильнѣе въ тѣхъ органахъ нашей либеральной печати, которые завѣдомо руководятся людьми еврейскихъ и польскихъ симпатій; здѣсь мы уже можемъ встрѣтить въ сужденіяхъ о духовенствѣ и тенденціозную ложь и открытую вражду. Между тѣмъ, при всей своей несправедливости, всяческіе кривые толки и порицанія духовенства оказываютъ на общество глубоко-вредное вліяніе. На ту среду, откуда выходятъ дѣятели вѣры и церкви, огульное порицаніе духовенства дѣйствуетъ подавляющимъ образомъ. У многихъ, начинающихъ нравственный подвигъ служенія въ церкви, опускаются руки, многіе желавшіе и готовившіеся вступить на этотъ трудный путь, уклоняются отъ него, многіе изъ мірянъ удаляются отъ церкви еще болѣе; отъ интеллигенціи холодность и отчужденіе отъ церкви и духовенства проникаетъ болѣе и болѣе и къ простому народу; для свѣтателей всякихъ великосвѣтскихъ и простонародныхъ расколовъ расчищается поле...

Добрыя дѣла духовенства, по самому свойству своему, менѣе доступны наблюденію и менѣе извѣстны, чѣмъ дурныя; они и не нуждаются въ намѣренномъ и искусственномъ выставленіи на показъ. Тѣмъ не менѣе было бы не бесполезно знакомить общество съ дѣятельностію духовенства, пастырскою, проповѣдническою, народно-образовательною — знакомить посредствомъ ежегодныхъ епархіальныхъ отчетовъ, начало которымъ, по нѣкоторымъ частямъ, уже положено въ нѣкоторыхъ епархіяхъ.

Духовная печать не должна также игнорировать частныхъ сообщеній самого духовенства о своей дѣятельности, сообщеній, которыя могутъ служить добрымъ примѣромъ и руководствомъ, а вмѣстѣ и всѣмъ отвѣтомъ на огульныя порицанія духовенству...

В.

Собесѣдованія и ихъ значеніе для сближенія священника съ прихожанами.

Въ послѣднее время, по почину Москвы и Петербурга, во многихъ епархіяхъ по городамъ и се-

ламъ ведутся виѣбогослужебныя церковныя собесѣдованія священниковъ съ прихожанами. Такия собесѣдованія ведутся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и въ Киевской губерніи. Они обыкновенно состоятъ въ томъ, что по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, послѣ обѣда или послѣ вечерни, въ церкви или около церкви священникъ предлагаетъ прихожанамъ бесѣды по предметамъ вѣрученія или нравоченія христіанскаго, объяснить Евангеліе, предлагаетъ назидательное чтеніе, при чемъ обращается съ вопросомъ къ слушателямъ объ изясненномъ или прочитанномъ и разрѣшаетъ ихъ вопросы и недоумѣнія. Собесѣдованія эти служатъ лучшимъ средствомъ пастырскаго учительства и должны быть поставлены гораздо выше проповѣдей, какъ допускающія живыя отношенія между священникомъ и прихожанами, весьма много содѣйствующія усвоенію и уясненію предметовъ собесѣдованія. И вездѣ, гдѣ такія собесѣдованія существуютъ, они оказываютъ величайшую пользу и принимаются народомъ съ глубокимъ сочувствіемъ. По формѣ они большею частію, по крайней мѣрѣ въ Москвѣ и Петербургѣ, бываютъ систематичны, состоятъ въ послѣдовательномъ объясненіи истинъ вѣры или нравственности, изясненіи богослуженія или изложенія священной исторіи. Но это строго-систематическая форма, наиболее умѣстная для болѣе развитыхъ слушателей, и вообще строго-церковный характеръ собесѣдованія не составляютъ необходимыхъ условий для цѣли собесѣдованія. Возможны и полезны и собесѣдованія не только не систематическія, но и допускающія отступленія отъ предметовъ собственно церковнаго ученія и назиданія и уклоняющіяся въ область бытовыхъ житейскихъ вопросовъ и нуждъ прихожанъ. И при такомъ характерѣ они могутъ имѣть не менѣе важное значеніе, расширяя кругъ пастырскаго вліянія и своею простотою и непринужденностію еще болѣе содѣйствуя сближенію священника съ прихожанами. Примѣръ такихъ простыхъ и разнородныхъ собесѣдованій представляетъ и рекомендуетъ своимъ собратіямъ авторъ „Записокъ сельскаго священника“, помѣщенныхъ въ Русской Старинѣ за минувшій и настоящій годы. На подобныя оригинальныя собесѣдованія мы и хотимъ указать, какъ на примѣръ достойный подражанія.

Правдивый и добросовѣтный авторъ этихъ весьма интересныхъ записокъ, выясняя вообще свои отношенія къ прихожанамъ, говоритъ, что у него отношенія къ нимъ самыя дружелюбныя. „Трудно, говоритъ онъ, встрѣтить такихъ добрыхъ прихожанъ,

которые съ такимъ почтеніемъ относились бы къ своему священнику, какъ относятся мои ко мнѣ. Иду или ѣду по улицѣ, и не говоря уже о томъ, что всѣ взрослые издалека встаютъ и стоятъ безъ шапокъ,—вся мелюзга, дѣти кричатъ мнѣ со всѣхъ сторонъ: «а, а!» и кланяются. Лошадей своихъ я не держу и меня все возятъ прихожане. Куплю, напр., пшеницы пять дровъ, верстѣ за 20 отъ села, пишу деревенскимъ старостамъ записки, и на другой день подводъ 80 привезутъ мнѣ дровъ; кулю для коровъ сѣна—привезутъ и это. Вычислить пригороду, куда выпускаются коровы, вывести со двора снѣгъ, набить ледникъ—все это дѣлаютъ прихожане. Передъ свадьбами идутъ ко мнѣ за совѣтомъ: взять ли за сына дочь у такого-то крестьянина, или отдать ли дочь такому-то? Приколотить пьяный мужикъ свою жену,—и она идетъ ко мнѣ съ жалобой. Крайне рѣдки случаи, чтобы пьяный мужикъ прошелъ мимо моего дома,—непрѣменно постарается пробраться гдѣ нибудь по закоулкамъ, чтобы и не видѣть его. Слово мое въ приходѣ есть законъ... За требы я лично самъ ничего не беру, все беретъ мой дьяконъ. Но никогда и никого не стѣснить и онъ. Другой священникъ получалъ бы, на всей вѣроятности, доходу вторе больше, чѣмъ мы; но мы не думаемъ, чтобы что нибудь теряли и мы. Своимъ трудомъ прихожане наверстываютъ намъ то, чего на даютъ деньгами. Для крестьянина выгоднѣе съѣздить намъ за дровами, чѣмъ отдать лишній рубль за потребу, а для насъ это все равно. Взятый мною рубль я отдалъ бы ему же за подводу. Значитъ, что мы въ барышахъ оба и при этомъ находимся въ хорошихъ отношеніяхъ“.

Какъ же могли установиться такія добрыя отношенія между священникомъ и прихожанами? Конечно здѣсь много зависѣло отъ личнаго характера священника; но какъ на самую естественную и ближайшую причину этихъ дѣйствительно рѣдкихъ, дружелюбныхъ отношеній авторъ указываетъ на свои постоянныя отеческія собесѣдованія съ прихожанами. Характеристическими чертами рисуетъ онъ эти бесѣды. „Лѣтомъ, говоритъ онъ, по праздникамъ, у утрени въ церкви народу у насъ бываетъ довольно много. Послѣ утрени я выйду на амвонъ, просто безъ эпитрахили, прочту и объясню евангеліе этого дня, прочту еще что нибудь, спрошу: поняли ли, нѣкоторыхъ прошу и разсказать, что говорилъ я. Въ хорошую же погоду выйдемъ всѣ на крыльцо церкви, а церковь у насъ большая, крыльцо тоже высокое и большое, сяду, около меня посадятся всѣ, обступятъ со всѣхъ сторонъ внизу, я и читаю, и толкую съ

ними часъ или полтора. Тутъ дѣло идетъ у насъ за-просто: тутъ я выслушиваю вопросы и сужденія каждаго, тутъ мы не стѣсняемся совѣмъ другъ друга. Самое же главное: послѣ обѣдни я объявляю, что я прїѣду въ такую-то деревню. Управившись въ церкви со всѣми молебнами, вѣстинами и проч. прїѣдешь домой, напьешься чаю, закусишь, а иногда и нѣтъ, и пойдешь. Въ назначенномъ домѣ меня уже ждутъ человекъ 20. Увидать въ деревнѣ, что я прїѣхалъ, соберется и еще человекъ 50, иногда и больше, и начнется наша бесѣда. Тутъ мы совѣмъ уже свои люди: и я безъ рясы, и слушатели мои въ чемъ попало. Здѣсь я читаю, рассказываю; мнѣ дѣлаютъ вопросы, я дѣлаю, и толкуемъ обо всемъ. Иногда говорятъ мнѣ: недавно прїѣзжали молokane, версть изъ за 300, жили три дня и говорили вотъ что; или скажутъ раскольники были и говорили вотъ что. Я конечно объясню на толки тѣхъ и другихъ. Тутъ толкуемъ мы и объ хозяйствѣ, и о семейныхъ дѣлахъ, обо всемъ. Въ 1879 году мнѣ передали даже такія вещи: на прошлой недѣлѣ, говорятъ мнѣ, шли два мужичка въ Кіевъ къ св. мощамъ, что-то, говорятъ, дальнѣе; одинъ изъ нихъ отбилъ ноги; и они прожили у насъ три дня. Все спрашивали они, какъ мы живемъ, много ли у насъ земли, много ли платимъ податей; все жалѣлъ, что у насъ земли мало, что казенная земля дорого арендаторами сдается, что мы бѣдны. Скоро, говорили они,— всю казенную землю раздадутъ по мужикамъ, что всѣмъ губернаторамъ при-слана отъ Государя бумага, чтобы раздать всю землю, а податей брать одну половину; что въ Вологодской губерніи раздали ужъ по крестьянамъ, а податей уже сбавили, что они проходили чрезъ эту губернію и сами все это видѣли. Матѣей К. (хозяинъ дома) сказалъ имъ: этого быть не можетъ, гдѣ же будутъ деньги брать солдаты содержать, чиновникамъ жалованье давать? Я былъ въ Турціи, въ Иерусалимѣ,—вездѣ податей платятъ и солдаты держатъ и жалованье чиновникамъ платятъ. Какъ они на него прикрикнуть!

Авторъ рекомендуетъ своимъ собратіямъ испытать это средство для обліженія съ прихожанами, какъ самое лучшее, если не единственное изъ всѣхъ, хотя и не скрываетъ всѣхъ трудностей этого дѣла. «Но въ собраніи, прибавляетъ онъ, запросто, безъ всякихъ церемоній,—видѣть въ народѣ эту вѣру, эту готовность и жажду слушать тебя, это довѣріе, забываешь всякій трудъ и умиляешься самъ до глубины души. Это лучшее средство и научить чему нибудь».

Дай Богъ, прибавимъ мы съ своей стороны, видѣть побольше такихъ собесѣдниковъ между нашими особенно сельскими пастырями!

Замѣтка сельскаго священника по поводу статьи „жгучіе вопросы современнаго пастырства“ („Руководство для сельскихъ пастырей“, 1880 г. № 35 и 36).

Прочитавъ означенную статью, и я немощный рѣшаюсь съ своей стороны заявить, что дѣйствительно сельскіе прихожане во многихъ мѣстахъ и Кіевской епархіи не знаютъ необходимыхъ молитвъ. Не берусь объяснять причину такого печальнаго явленія и не осмѣливаюсь излагать программы для своихъ собратій, какъ нужно дѣйствовать, чтобы прихожане знали отчетливо необходимыя молитвы, предоставляя это людямъ болѣе опытнымъ; но не могу умолчать о томъ, что есть возможность пастырю церкви побудить прихожанъ изучить необходимыя молитвы, нужна только, со стороны священника, твердая воля, христіанское терпѣніе, безкорыстіе и умѣнье вести дѣло. Для доказательства изложеннаго привожу фактъ изъ своей 21-лѣтней практики. Въ 1859 году я былъ рукоположенъ во іерея въ семиклассный приходъ Н чигиринскаго уѣзда. Въ приходѣ этомъ, до моего поступленія, десять лѣтъ приходская церковь была по ветхости запечатана, помѣщиковъ-католиковъ было ровно 11-тъ, прихожане были все народъ бѣдный, четвертая часть изъ нихъ жила бѣдно, изъ 104 домохозяевъ 86 въ разное время проходили должности лакеевъ при господскихъ дворахъ, дѣвщцы съ 16 до 18 лѣтъ обязаны были прислуживать при панскомъ дворѣ и являлись въ домъ родительскій въ странномъ положеніи; всякаго рода безнравственность была въ приходѣ явленіемъ обыкновеннымъ, весьма многіе не говѣли лѣтъ по пяти и по шести. Этотъ несчастный народъ не только не зналъ необходимыхъ молитвъ и главнѣйшихъ христіанскихъ обязанностей, но и не зналъ, что нужно произносить при осѣненіи себя крестнымъ знаменіемъ, которое творилось пятерней по католическому обычаю, перевятому въ находившемся тутъ же костелѣ, гдѣ эти крестьяне часто бывали вмѣстѣ съ господами. О пьянствѣ и воровствѣ и говорить нечего. Съ помощію Божіею въ теченіи 18 лѣтъ всѣ мои прихожане поголовно изучили всѣ необходимыя молитвы твердо и толково, ко храму Божію сдѣлались прилежны, нравственны, богобоязненны; о чемъ можетъ засвидѣтельствовать нынѣшній священникъ о. А., третій настоятель послѣ моего перемѣщенія въ другой приходъ, гдѣ я тоже руководствуюсь однимъ и тѣмъ же планомъ и вижу очевидную пользу

отъ такового. Дѣло вотъ въ чемъ. Въ теченіи 21 лѣтней своей службы я никогда не требовалъ платы отъ прихожанъ за требосправленія, совершалъ Богослуженія часто и съ подобающимъ благоговѣніемъ, при каждомъ проносили поученія, объясняли все необходимое для прихожанъ—какъ христианина, раздѣляя горе и радость съ прихожанами; самъ не употребляя вовсе водки, преслѣдовалъ пьянство; завѣдши въ 1860 году приходскую школу, я требовалъ, чтобы изъ каждой семьи ходило дитя въ оную; въ школѣ ровно 12 лѣтъ я самъ занимался съ учащимися, а 6 лѣтъ, когда были назначены двое учителей, читалъ только законъ Божій. По моему приказанію школьники дома читали молитвы громко, а родители съ остальнымъ семействомъ слушали. Въ церквахъ, по окончаніи вечерни, утрени и предъ литургіею послѣ часовъ школьники читали важнѣйшія молитвы по книгѣ. Во время исповѣди каждаго я заставлялъ читать молитвы, пользуясь обычаемъ въ этомъ приходѣ говѣть съ понедѣльника до субботы. При посѣщеніи домовъ прихожанъ съ молитвою, крестомъ и св. водою заставлялъ читать дѣтей молитвы, знающихъ объяснялъ гостиницами, а не знающихъ вразумлялъ. Воспріемники при крещеніи, символъ вѣры обязаны были говорить сами. Брачующимся за три недѣли дѣлался экзаменъ въ знаніи молитвъ, предъ самымъ бракомъ женихъ и невѣста обязаны были читать молитвы въ храмѣ правильно. Незнающихъ молитвъ никогда не вѣнчалъ даже изъ другихъ приходоѡвъ, пока не изучили что нужно. Въ послѣобѣденное время, по праздникамъ, въ училищѣ собравшейся

си молодежи читалъ житія святыхъ, объяснялъ молитвы и обучалъ даже неграмотныхъ пѣть, вмѣсто срамныхъ пѣсень, Царю Небесный, Пресвят. Троице, Отче Нашъ, Символь Вѣры, Богородице Дѣво, Достойно есть, О Всепѣтая Мати, Дивное Имя Твое, Словолюбие великое. Давалъ школьникамъ на домъ переводъ молитвъ Чемыни и велѣлъ читать по вечерамъ домашнимъ, при случаяхъ спрашивалъ родителей, о чемъ читали имъ дѣти. Теперь благодаря Бога въ приходѣ Н. всѣ прихожане знаютъ прекрасно молитвы, молодежь кромѣ церковныхъ пѣсень почти ничего не поетъ. Пьянство, предрасудки, свадебныя выдумки давно канули въ вѣчность. Въ приходѣ теперь красуется прекрасная церковь, два училищныя зданія, новозаведенные молодые сады, вѣтряныя мельницы, и народъ живетъ въ достаткѣ. При личномъ свиданіи многіе изъ прихожанъ благодарятъ меня за понесенные труды. Сосѣдніе прихожане открыто говорятъ, что прихожане Н. переродились при батюшкѣ Н. Не скрою впрочемъ, что въ приходѣ Н. я за свою благую и твердую волю много перенесъ несчастій и непріятностей не только отъ владычьныхъ поляковъ, ксендзовъ мѣстнаго костела, неопытныхъ прихожанъ, подстрекаемыхъ темными личностями, не трезвыхъ причетниковъ, но даже отъ мѣстныхъ духовныхъ властей, которыя не рѣдко изъ мухи дѣлали слона. Итакъ по моему мнѣнію, нужны со стороны пастыря церкви трудъ, крѣпкая воля, терпѣніе и умѣніе вести дѣло.

Сельскій Священникъ.

Профессоръ А. Вороновъ.

О В Ъ Я В Л Е Н І Я

Симъ извѣщаю, что открыто **ГЛАВНОЕ АГЕНТСТВО БАЛТІЙСКАГО СТРАХОВАГО ОТЪ ОГНЯ ОБЩЕСТВА**, которое принимаетъ на страхъ отъ огня разнаго рода движимое и недвижимое имущество, въ которомъ каждый страхователь участвуетъ согласно §§ 59 Вь с о ч а й ш е утвержденного устава Общества; въ концѣ отчетнаго года, извѣстными процентами съ чистаго дохода Общества и помимо этого, каждый страхователь, если только онъ страхуетъ въ этомъ Обществѣ съ ряду нѣсколько лѣтъ, пользуется уступками.

Главное Агентство въ Кіевѣ, на Проръзной улицѣ, въ домѣ № 7-й. 2—8.

Содержаніе: *Часть неоффициальная.* Въ чемъ обвиняютъ духовенство и справедаливы ли эти обвиненія?—Еще два слова объ отношеніи свѣтской литературы къ духовенству.—Собесѣдованія и ихъ значеніе для сближенія священника съ прихожанами.—Замѣтка сельскаго священника.—Объявленія.

Докторъ медицины **В. А. ЕРОФЬЕВЪ**,

возвратившись изъ-за границы, принимаетъ **ГЛАЗНЫХЪ** и **НЕРВНЫХЪ** больныхъ, ежедневно отъ 10—12 час. Рейтарская улица, домъ Андріевской, 4-й отъ Георгіевской церкви.

5—5.

При семъ № прилагается объявленіе отъ колольного завода А. П. Самофаловой.

Вышелъ въ свѣтъ № 38 Воскреснаго Чтенія. Содержаніе его слѣдующее: Основы, поддерживающія и охраняющія общественное благо.—Святой великомуч. Евстафій Плавида.—Моника мать блаженнаго Августина.